

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

**По страницам мечтательной книги «Мальчишник»
Михаила Коршунова и Виктории Тереховой**

Ольга Базиян,

*учитель русского языка и литературы школы № 174,
руководитель районного методического объединения
учителей русского языка и литературы
Железнодорожного района г. Екатеринбург*

...Две книги стали для меня дверью в удивительный мир пушкинской эпохи. Вернее, одна «обычная» книга — «Моя мадонна» А. Кузнецовой, а другая «книга» — скреплённые между собой страницы из журнала «Пионер» с главами из «Мальчишника» М. Коршунова, В. Тереховой. С этих книг начались мои рукописные «Пушкинские тетради». Засиживаясь допоздна, я переписывала целые страницы, посвящённые Пушкину, переписывала, потому что брала источники в библиотеке и понимала, что купить их у меня вряд ли получится... Всего было исписано пять тетрадей по 96 листов.

А недавно я обнаружила в продаже букинистический экземпляр книги М. Коршунова, В. Тереховой. Наконец, я прочитала её целиком и очутилась одновременно и в годах своего детства, и в далёком, но почти родном для меня, XIX веке...

И тогда появилась идея создать своего рода литературную гостиную, пригласить читателей в путешествие по этой замечательной книге, которая своим образом воплощает в жизнь мечту поклонников русской поэзии о встрече Пушкина и Лермонтова.

Ключевые слова: книга, литературная гостиная, детство, Лермонтов, Пушкин, встреча, мальчишник, потребность дружбы, популяризация литературы

Глава 1. Старший и младший

Итак, наступило это число.
И этот час. ОНИ должны
встретиться.

Медленно падает длинный, безветренный снег, будто медленно, не спеша, связывает, соединяет настоящее с прошлым.

Снег чист и светел, он создан для праздника и надежд.

В эту зиму те двое, кто жил на старом Арбате и на Малой

Молчановке, должны встретиться по нашей воле. Кто да кто? Немного терпения, и вы сами убедитесь.

У первого из них — старшего — было весёлое, лёгкое имя. И прозвища Сверчок, Егоза, Француз — вследствие особого знания французского языка и увлечённости французскими просветителями. Он любил бегать, прыгать через стулья, играть в кегли. Мог вскочить на стул, улечься на столе, схватить перо и бумагу и со смехом начать писать стихи. Мог писать стихи, сидя на кровати с поджатыми ногами, или «едучи в коляске», или в момент шумных бесед, едва присев

где-нибудь, или просто впотьмах. Его ещё называли Бесом:

— Здравствуй, Бес!

Он нарисует себя и рядом — беса.

Автор «Истории государства Российского» Николай Михайлович сказал ему:

— Пари, как орёл!

Жуковский:

— Ты имеешь не дарование, а гений. — И потом ещё напишет: «Надежда нашей словесности».

Кто-то назвал его «Шаловливое чадо музы».

Боевой офицер и поэт Константин Батюшков:

— О! Как стал писать этот злодей!..

Князь Пётр Андреевич Вяземский шутя предупреждал:

— Задавит, каналья!

Злодей, Каналья, Шаловливое чадо музы и Надежда нашей словесности отвечал, он всего лишь ударяет о наковальню русского языка, и получаются стихи. В нём была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое чаще не попадал.

Второго из них — младшего — называли Любезный маленький гусарик и Маёшка. Это в юнкерской школе. “Monsieur Maueux” — популярный персонаж французских карикатур, который отличался задором, остроумием и резкостью суждений. Маёшка любил играть в горелки, серсо, «изображать всех в карикатурах», сочинять забавные стихи—шутки, которые неожиданно теряли рифму, «хромали». Мог писать стихи, стоя на коленях перед стулом. Если под рукой не оказывалось бумаги, писал на страницах «Почтового дорожника» или на дне выдвинутого ящика стола.

ШКОЛА

И тоже была в нём смесь излишней смелости с застенчивостью, и тоже часто не попадал. И ударять о наковальню русского языка он тоже умел.

Старший сказал:

— Есть у нас свой язык, смелее!

И вывел русский язык на «широкий простор» русской земли для любованья всему народу.

Младший потом добавит:

— Как дикарь, свободе лишь послушный, не гнётся гордый наш язык.

А ещё старший сказал, что душа его развилась вполне, — он может говорить. Было ему тогда двадцать шесть.

В двадцать шесть развилась вполне и душа младшего. К нему уже пришли его песни.

Кто из нас с детства, с тех самых пор, как узнал их имена и стихи, не желал, чтобы они встретились? Должны. Обязаны. Иначе «быть нельзя»!

Пути одного и другого шли рядом. Поэтические судьбы одинаковы — об них уже в детстве посетила богиня песнопений. Всё им было дано — талант и «гремящая слава», но личная встреча не дана была.

Их иногда разделяли лишь сотни метров и не дни, а часы, может быть, и минуты. Минутой бы раньше, минутой бы позже...

Младший сказал о старшем:

— Наш лучший поэт.

Старший сказал о младшем:

— Далеко мальчик пойдёт!

И мальчик, когда погиб старший, написал шестнадцать беспощадных строк.

Белинский воскликнет:

— Что за огненная душа!

Оба поэта были дружны с декабристами, и для обоих «правда была святыней». Оба умели презирать и ненавидеть, и оба были «доверчивыми и неосторожными», как большие поэты.

Решая что-нибудь, младший в «старогусарском стиле» подкидывал. Старший верил в счастливую серебряную копеечку. Из суеверия боялся перебегающих дорогу зайцев и гудящих самоваров. Большие поэты — часто большие дети.

Мы бережём всё, что сказано или написано о них, всё, что с ними было и чего не было, может быть. Любое предположение, догадку, строку, слово и даже память об акушерке, которая при рождении младшего сказала: «Своей смертью не умрёт...»

Они часто бывали у Карамзиных, любили эту русскую семью, проводили в ней лучшие часы. Семья Карамзиных сопровождала обоим всю их жизнь. В одни и те же альбомы вписывали на память стихи, например, дочери Карамзина — Софье. У Гоголя бывали. Младший был у Николая Васильевича на именинах. Жуковский прошёл через судьбу каждого из них. Встречались с Белинским, часто — с историком и литератором Александром Ивановичем Тургеневым, с писателем, музыкантом Владимиром Фёдоровичем Одоевским, с Трубецкими, с семьёй Вяземских. Александра Осиповна Смирнова, урождённая Россет, была хорошо знакома со старшим и много рассказывала о нём младшему. Встречались с одними и теми же издателями, с Краевским, например, который вставал во главе «Отечественных записок», где младший под конец жизни напечатал большую часть стихов.

Когда родился младший, бабушка в его честь в семи верстах от имения поселила новую деревню и назвала её — Михайловская. Родным и любимым местом старшего было его родовое Михайловское. Так что — Михайловская... и Михайловское...

Оба родились в Москве, совсем недалеко друг от друга. На Немецкой улице началось детство старшего, в доме на Красноворотной площади (Красные ворота) — детство младшего. Пройдите теперь от Бауманской улицы (бывшая Немецкая) до площади Лермонтова (Красные ворота): путь займёт не более получаса.

Когда один, будучи офицером лейб-гвардии, жил под Петербургом, в Царском Селе жил и другой, будучи уже знаменитым поэтом. Нет, не встретились, хотя бы разъехались в экипажах. Нет. Не было даже этого в их жизни.

И чего бы им ни встретиться на забавных московских Подвоинских гуляньях, что проходили на месте современной улицы Чайковского — от площади Восстания до площади Смоленской. «...Из тёсу и полотно выстроены дворцы готические, итальянские, пагоды индийские, шатры, рестораны, комедии с барабаном и музыкой».

И чего бы Маёшке и Бесу ни провести там вместе время? Оба любили народные развлечения, а в свете чувствовали себя «тоскливо», порой и «несносно», и думали: «хотя бы черти для смеха попадались» среди этих «завистливых дураков», похожих на «французский сад», потому что ножницы хозяина «уничтожили всякое различие между деревьями».

Или чего бы им ни встретиться в какой-нибудь из книжных лавок? В Москве — в Университетской или Ширяева? В Петербурге — Смирдина? На аукционе, на распродаже коллекций древнего искусства, книг, рукописей?

Нет, не встретились.

В Благородном собрании? В Английском клубе? На прогулочных дорожках для верховой езды? Или на дорогах в каком-нибудь «попешном дилижансе»?

Нет, не встретились.

В Новочеркасске на одноэтажном бревенчатом доме, который стоит на углу улиц Атаманской и Горбатовой (дому более 160 лет) — памятная надпись, оповещающая, что здесь, в бывшей почтово-ящицкой станции, останавливались и старший, и младший. Оба побывали в Тамани. Старший заметил в письме к брату: «С полуострова Тамань, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма». Младшему тоже открывался с этих мест берег Крыма, тянувшийся лиловой полосой и кончавшийся утёсом, на вершине коего белела маячная башня.

Оба они умели рисовать, и оба нарисовали автопортреты. Младший рисовал просто замечательно.

Один был предан «малому числу своих друзей», и другой. Старший создал литературный журнал, младший мечтал создать литературный журнал. Старший задумал написать и не успел — большой исторический роман. И младший задумал исторический роман — и не успел написать.

И оба мечтали печатать свои произведения «в первозданной красоте».

Император одного отправил за стихи в изгнание и — другого.

Художник Меликов отметил, что только Карл Брюллов по-настоящему справился бы с задачей написать портрет младшего, потому что никто лучше Брюллова не писал «взгляды». Взгляд тёмно-карих, почти чёрных, калмыцких глаз младшего потрясал силой и необычностью. А кто из художников должен был начать писать портрет старшего, но вот не успел? Карл Брюллов...

Один стрелялся на дуэли на десяти шагах, и другой — на десяти шагах. Дуэль одного произошла к вечеру, и дуэль другого — к вечеру.

ШКОЛА

Один похоронен в родных местах, и другой. Старшего похоронили недалеко от реки Великой, младшего — на берегу Большого пруда. Так что — Великий... и Большой...

На пушкинской тропе (от Малой Молчановки до старого Арбата) жили Герцен, Гоголь, родился Александр Васильевич Суворов. Жила и семья Нащокиных, ближайших московских друзей Пушкина, у которых он часто останавливался, приезжая из Петербурга. Попадает на тропу дом, принадлежавший поручику Поливанову, участнику войны 1812 года, и дом, в котором жил Архаров, друживший с родителями Пушкина, и в котором потом скрывался декабрист Нарышкин у своего родственника Мусина-Пушкина.

И, может быть, на этой пушкинской тропе Лермонтова будет ждать в доме на Арбате человек с лёгким и весёлым именем. Это сказал о Пушкине Александр Блок, который тоже бывал в одном из домов на пушкинской тропе.

Пушкин и Лермонтов наконец встретятся!

У Пушкина в канун свадьбы 17 февраля 1831 года будет молодой праздник — мальчишник.

Смеркается. Засыпан снегом Арбат. Мягко, заснежено сверкает купол Николы-на-Песках, прежде церковь называлась Никола-на-Жёлтых Песках: Арбат стоит на жёлтых песках.

Скользят возки, лёгкие санки. С забелёнными снегом колёсами едут, покачиваются тяжёлые рыдваны. Раздаются окрики кучеров.

В квартире Пушкина подали свечи. Квартира на Арбате особая, потому что единственная в Москве, которую Пушкин снял сам, перестав жить по «большим дорогам».

Собрались друзья — Павел Воинович Нащокин, Денис Давыдов, Пётр Вяземский, поэт Евгений Баратынский, издатель Иван Киреевский, композитор Верстовский, автор многих романсов на стихи А.С. Пушкина, поэт Николай Языков, брат Лёвушка и одиннадцатилетний сын Вяземского Павлуша, которого Пушкин называл «мой рас-прекрасный».

И на этот мальчишник в доме в Пречистенской части придёт Лермонтов, студент, ему шестнадцать лет. Придёт «во второй этаж», в уютную гостиную, оклеенную обоями под лиловый бархат, и услышит Пушкина, грустно читающего стихи — прощание с молодостью.

Застыли в неподвижности глаза свечей. Застыло всё, кроме стихов. Пушкин читает Пушкина. Пушкин читает Пушкина Лермонтову. Застыло всё: и дом, и улица, и свет, и город, и жизнь, и смерть...

Лермонтов видит только стихи, только Пушкина. Глаза Лермонтова, тёмно-карие, почти чёрные, калмыцкие, широко расставленные, отданы Пушкину, его стихам навсегда, навечно в приходе Троицы, что на Арбате.

Глава 2. Первосоние

Дача солнечно выплывает из глубины царскосельских парков и садов, загустевших от зелени прудов и озер, некошенных трав и заросших дубовых аллей, проложенных когда-то для конных, для пеших и для экипажей.

Выплывает из знаменитого здания Лицея, просвеченного большой центральной аркой посредине и двумя по краям, из пышно-бирюзового Екатерининского и грустно-жёлтого Александровского дворцов, павильонов Эрмитажа, Грота, Большого и Малого капризов, фонтана «Девушка с кувшином», статуи Галатеи и Амфитриты. Чесменские колонны и таинственно-средневековой, специально

средневековой полуразрушенной башни Шапель.

Выплывает лёгкая, деревянная, колеблемая солнечным течением, выплывает, точно яхта, наставив на передний план застеклённый балкон на втором этаже, — свою верхнюю палубу.

Бывший дом вдовы придворного камердинера Китаева, у которой Пушкин летом 1831 года поселился с женой.

«Я никогда не хлопотал о счастье: я мог обойтись без него. Теперь мне нужно его на двоих...» «Музей-дача А.С. Пушкина» на углу Васенко и Пушкинской в городе Пушкине, где на здании железнодорожного вокзала помещены барельефы Карамзина, Жуковского, Державина, Дельвига, Чаадаева, Кюхельбекера. Стоит только приехать в Пушкин и сразу можно встретиться с друзьями Александра Сергеевича, которые будут сопровождать вас всё то время, которое вы проведёте в городе великих царскосёлов, где души их спокойно развивались «с волнением гордых, юных дум», в городе, про который Пушкин сказал: «Мои хранительные сени».

До шестнадцати лет прожила в Царском Селе Анна Ахматова. Училась в гимназии.

— Мои первые воспоминания царскосельские: зелёное, сырое величие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром... старый вокзал...

В двадцать два года Анна Ахматова напишет:

**Смутный отрок бродил по аллеям,
У озёрных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.**

Если войти в музей-дачу, то попадаешь сразу же в тамбур, потом надо подняться по деревянным ступенькам... И начинается удивительный, похожий на сказку, рас-

сказ об Александре Сергеевиче и Наталье Николаевне Пушкиных.

— Как у юной царевны Психеи были две сестры, так и у Натальи Николаевны Пушкиной были две сестры. И как у царевны Психеи был божественный муж, так и у Натальи Николаевны был божественный муж. И как царевна Психея потрясала множество местных граждан и множество иноземцев недостижимой лазурной красотой, так и Наталья Николаевна потрясала. Под смертными чертами девы люди чтили величие богини. И как царевне Психее следовало бы жить независимо от сестёр, остерегаться их, так и Наталье Николаевне следовало бы не брать в дом своих сестёр...

И как у Психеи из пылающей лампы неосторожно на плечо Амура упала капля горячего масла, когда Психея ночью смотрела на своего мужа, так и у Натальи Николаевны Пушкиной упала капля горячего масла... Неосторожная, обжигающая... Эх ты, дерзкая лампа... Ты обожгла бога... У Натальи Николаевны Пушкиной всё это случилось значительно позже. А сейчас, после короткой арбатской жизни, в чём-то провинциальной, ей предстояло появиться во всём блеске на берегах роскошной царственной Невы. И пока, до поры до времени, Пушкин привёз жену в лучшее, что он имел, — в свою юность, в свои Хранительные сени, в своё П—Е—Р—В—О—С—О—Н—И—Е. Первосоние — это «когда существенность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях...» Так определил сам Пушкин придуманное им слово.

Рябью ходят по стенам и потолку Белой дачи тени от листьев дубов и лип. Где-то отворилась и ещё тише затворилась дверь. Тонкой клавишей скрипнула половица. Где-то ветер парусно хлопнул занавеской. Где-то утрёнке, будто чайными чашечками, звякнули часы.

Существенность сливается с мечтаниями в неясных видениях и звуках. Первосоние.

В комнате Натальи Николаевны лежат поваренные книги — сколько и в какие кушанья надо класть соли, перца, муки, яиц, томата: Наталья Николаевна хочет показать себя хорошей и расчётливой хозяйкой. На Белой даче к обеду ставили кувшин яблочной воды. Ели

ШКОЛА

суп из щавеля и «кружовниковое» варенье. Пушкин жаловался Нащокину: «В Ц.С. оказалась дороговизна. Я здесь... без пирожного...»

Возвращаясь с прогулок, на даче беседовали вечерами, которые долго оставались белыми, светлыми. Пушкин любил пешие прогулки. Николай Дмитриевич Киселёв, приятель Александра Сергеевича по Москве, даже называл Пушкина капитаном пехоты. Однажды, гуляя, Пушкин дошёл из Царского Села до Петербурга. Однажды Пушкина даже подвезли дворцовые ламповщики. Они должны были доставить в Петербург на починку подсвечники и лампы. Пушкин встретился с ними в парке, разговорился и так, за беседой, оказался в Петербурге.

Одна комната сменяется другой: гостиная, столовая, комната Натальи Николаевны, где она занималась вышиванием или переписывала некоторые рукописи мужа. На столе маленькая, с ситцевым рисунком, фарфоровая чернильница с крышечкой. Крышечка поднята: чернильница будто ждала Наталью Николаевну, чтобы та присела к ней в домашнем льняном платье. Такие девичьи платья Наталья Николаевна носила дома в Полотняном Заводе и по утрам в Царском Селе.

Если подняться по узкой деревянной, чуть закругляющейся лестнице на второй этаж, на «верхнюю палубу», то можно очутиться в кабинете Александра Сергеевича. «Своенравная Россети» часто приходила к Пушкину именно поутру. И Пушкин ценил её приходы, а Наталья Николаевна немного завидовала Россет, её уму и желанию Пушкина беседовать с ней.

Кабинет Пушкина. Его описывала Россет в своих воспоминаниях. Большой круглый стол перед диваном, простая чернильница, перья. Бумаги, тетради. Россет ещё добавляла — тетради, часто не сшитые.

А Пушкин мог в это время писать уже не гусиным пером, а металлическим, потому что металлические перья начали появляться в Европе с 1830 года. Перья даже «выпускались», как марки, в честь выдающихся лиц и событий.

Но здесь, на Белой даче, Пушкин любил писать карандашом; часто лежал днём на диване, в халате с открытой грудью.

— Ну, уж извините, жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах, — это он гусару графу Васильеву, будущему товарищу Лермонтова по лейб-гвардии. И лежал, сочинял свои забавные сказки (и одну из них о царе Салтане), а написанные листы опускал тут же на пол.

На полу, на ковре, на диване в кабинете Пушкина — стопки книг и бумаг. Четыре окна, ничем не прикрытых. Дверь на балкон. На отдельном столике — синий графин.

Комната купается, плавает в солнце, отдана солнцу, как жертва. В ней постоянно пылающе светло. «В этой простой комнате, без гардин, — сообщает Россет, — была невыносимая жара, но он это любил... Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и привирал всякую чепуху насчёт своей соседки графини Ламберт».

Пушкин соревновался с Жуковским: кто, какую и про кого сочинит лучше чепуху, галиматью. Ликовал в Пушкине, куролесил царскосельский африканец. И, как часто бывало, «болталось, смеялось, вралось и говорилось умно».

Но особенно Пушкин замирал перед двусторчатой — по краям фонари, — с полукруглой фрамугой стеклянной дверью парадного лицейского крыльца. Касался ладонью шишечек перил, горячих от солнца. По очереди всех четырёх, для чего надо было взойти на крыльцо и спуститься с него. И он всходил, и спускался, и уходил. И казалось,

слышал вдогонку удар лицейского колокола. Нет уже в живых Дельвига, умершего в Италии Николая Корсакова, сочинившего надпись для собственного надгробия: «Грустно умереть далеко от друзей». Далеко от друзей, в ссылке Пушкин, Кюхля.

Он уходил, а в руке, в ладони, было зажато солнечное лицейское тепло.

Часто Александр Сергеевич бывал у любимца Лебедя: Лебедь — это фонтан в самом начале Екатерининского парка, совсем недалеко от Лицея. В синем графине у Пушкина была вода из лебединого источника: он считал её живым соединением с прошлым, памятной книгой, жалованной в юность грамотой, уединённым волнением. «Глядь — поверх текучих вод лебедь белая плывёт»...

Так же любил он ключевой источник, где на огромном камне была установлена статуя Пьеретты, девушки с разбитым кувшином, из которого только вытекает не молоко, а родниковая вода.

Книги Лафонтена, подаренные сестрой Ольгой Сергеевной Пушкину, хранятся сейчас вместе с пушкинской библиотекой в Петербурге, в Пушкинском доме Академии наук.

Совершая прогулки к Лебедю, Пушкин надевал мягкую фетровую шляпу. Он такой на портрете. Как только взглянешь, так сразу вспоминаются строки из «Евгения Онегина»: «В те дни в таинственных долинах, весной, при кликах лебединых, близ вод, сиявших в тишине, являться муза стала мне». И, как удивительно, Пушкин на портрете в фетровой царскосельской шляпе очень нам современен.

На Белой даче Александр Сергеевич сочиняет сказки, когда не занят галиматьёй, купанием, гулянием, рисованием виньеток и арабских головок на клочках бумаги, катанием в экипажах. Ну, а главное, над чем работает здесь, — письмо Онегина к Татьяне. В этом романе вся жизнь, вся

душа, вся любовь его. Пушкин работает у себя наверху часто поздними ночами. Льётся широкий свет из пылающей лампы. Пушкин один — никто и ничто его не отвлекает. В эти ночи он вслушивается в онегинский стих, который уносит его на берега Невы, туда, куда предстояло ехать на жительство и ему с Натальей Николаевной. «Я знаю: век уж мой изменен, но чтоб продлилась жизнь моя, я утром должен быть уверен, что с вами днём увижусь я...»

Глава 3. 1836 год. Новый год. Петербург

В доме № 1 в бывшем Мошковом переулке (ныне Запорожском), «у тёщи на чердаке», собирались у Владимира Фёдоровича Одоевского друзья. Беседовали о литературе, о развитии философии, о самых великих деяниях, когда жизнь одного человека может послужить вопросом или ответом на жизнь другого. И прежде всего всех волновали «русские мысли, русские раздумья, русские идеи». Беспокоила, волновала Россия.

Старинные чугунные ворота, старинные глубокие окна. Одной частью дом повернут на Неву, другой — в переулок. За Невой видна Петропавловская крепость. Зимний шпиль крепости уходит в зимнее переполненное небо.

— Ваше сиятельство, я, чёрт знает, как излезился!

Обращение «сиятельство» адресовано князю Владимиру Одоевскому. Ещё Пушкин говорил ему «батьюшка», хотя Одоевский был младше пятью годами.

У Владимира Фёдоровича в кабинете, который друзья называли «львиной пещерой», собрались: «редко добрый человек» Василий Андреевич Жуковский; Николай Иванович Кривцов, герой Отечественной войны — он сражался под Смоленском, под Бородином, был ранен пулей навывлет, а в битве при Кульме ядро оторва-

ШКОЛА

ло ему ногу; издатель и публицист Иван Киреевский, в 1832 году выпускавший журнал «Европеец», который на третьем номере был закрыт цензурой; «неизвестный сочинитель всем известных эпиграмм» Сергей Соболевский — давний московский «благоприятель» Пушкина.

Приехал и Михаил Глинка. Он сбросил сюртук и подсел к клавесину. Инструмент Одоевский держал в кабинете, который был и лабораторией (на готическом вида полках химическая посуда, по углам комнаты скелеты — вот почему «львиная пещера»), и библиотекой (книги в старинных пергаментных переплётках, с писаными ярлычками на задниках буквально всё заваливали). Был и музыкальной комнатой. Позже, в квартире на Английской набережной — уже не «у тёщи на чердаке», — Одоевский установит настоящий орган. Назовёт его в честь Себастьяна Баха — «Себастианон». Жуковский предложит: для тех, кто играет на органе хорошо, он будет «Себастианон», а для тех, кто плохо — «Савоська». И первым сядет за единственный на весь Петербург инструмент Михаил Глинка...

Сквозь неплотно сдвинутые пунцовые шторы был виден пригloxший Петербург — нерасчищенный, неразмётанный, с сильным запахом осевшего печного и самоварного дыма. Экипажи из-за снега стали терпеть «великую остановку». Петербург по-деревенски обрусел, утратил линейность, стрельчатость.

В кабинете на столе — чаша с пуншем, вазы с султанскими финиками, «сухими конфектами», печеньем и тарелка со швейцарским сыром.

Освещали комнату масляные лампы — карсели.

— Кровавый бой... и с падшими разлука! — Жуковский, в числе ополченцев, тоже сражался на Бородинском поле. — Семёновский ручей в утреннем тумане... Курганная высота, осенние берёзы. Неубранный хлеб. Горестная комиссия...

— А подвиг генерала Раевского, — напомнил Кривцов.

Генерал Николай Николаевич Раевский взял с собой в армию детей — Николая и Александра. В момент решительной атаки шёл на вражескую батарею во главе колонны Смоленского полка и вёл за руку десятилетнего сына Николая. А старший, семнадцатилетний Александр нёс знамя перед войсками.

— Почтим честью Россию! — Кривцов медленно поднялся, опираясь о край стола, — помянем погибших.

Помолчали. Было кого вспомнить и что вспомнить.

Кривцов вновь погрузился в кресло. Ему изготовили протез, но всё равно Кривцову приходилось нелегко.

— Ну что, жаль, не нами свет стал, не нами и кончится. — Кривцов расстегнул венгерку со шнурами и кисточками. — Сердце сегодня что-то горячо лежит во глубине души.

— Будем счастливы, хотя бы под Новый год, — вздохнул Владимир Фёдорович Одоевский.

— Припасы разведем и кубки все осушим, — улыбается Соболевский. Он всегда готов к шутке, к экспромту, эпиграмме.

— Наши судьбы мелочны, — кивнул Кривцов. — Сим статутом и утешимся.

Пушкин начал есть финики, смешно облизывая ставшие липкими пальцы.

— Царь-поэт любил султанские финики! — засмеялся Киреевский. (Пушкин называл Киреевского добрым и скромным, делал ему «по три короба комплиментов» как публицист-

ШКОЛА

ту, который удачно соединял дельность с заманчивостью.)

Пушкин любил финики и всегда ел их с нескрываемым удовольствием. Отшучивался: «Африканец! Аннибал!»

Сейчас сказал: «После сладкого точнее чувствую горькое».

— Поэт-летописец должен прежде всего ощущать вкус веков, — заметил Жуковский. — В эту новогоднюю ночь предлагаю Александру окончательно занять наш северный Парнас!

— Верно! Жалуем его Парнасом! — воскликнул Соболевский. — Парнас всё-таки постоянная квартира. Не селиться же ему на Луне с долгами и детьми.

С недавнего времени в салонах Петербурга модным было толковать об обитаемости Луны. Пушкин весело качнул головой:

— Кто бы вылечил меня от долгов! Ужель на лопатки улягусь?

— Увезут в закрытом экипаже. — Соболевский сделал неумолимое лицо. — Питер не Москва! Здесь много перепортили бумаг, чернил и литер.

— Всенепременно увезут, — подтвердил Киреевский. — А Пегаса поставят на казённый овёс.

— Гусар никогда не падает с лошади, — в тон друзьям отозвался Кривцов, — он падает вместе с лошастью.

В Ленинграде, в старинном парке Шувалово, был высокий искусственный холм. Высота шестьдесят один метр. Не исключено, что его начали насыпать как раз во времена Пушкина и называли «Парнасом». На него поднимались, чтобы издали полюбоваться Санкт-Петербургом. «Парнас» сохранился до наших дней.

Глинка тихонько наигрывал на клавесине. Он не умел ни философствовать, ни спорить, он только умел писать музыку. Любил импровизировать на русские темы. Однажды, как вспоминала Анна Керн, так ловко копировал на фортепиано игравшего под окнами шарманщика и даже то, как он фальшивит, что шарманщик на улице от ужаса перестал играть.

Кривцов привстал: у него погасла трубка, и он сам прижѣг её от свечи, которая стояла на столе, раскурил.

— Александр, напомни... из них уж многих нет, другие...

— Другие, коих лики ещё так молоды на ярком полотне...

— Уже состарились и никнут в тишине, — вспомнил Кривцов. — Хочу быть похороненным в открытом, чистом поле.

Кривцова — солдата и вольнодумца — похоронят в часовне, выстроенной им самим в открытом, чистом поле.

Когда за Невой, сокрушая ночную тишину, хлопнул пушечный выстрел о завершении минувшего года и начале следующего, 1836-го, присутствующие в Мошковом переулке перешли уже из кабинета в гостиную и подняли тост за Новый год, а потом и за журнал «Современник», в котором и будет напечатано стихотворение «Полководец». Пушкин только что отправил прошение, чтобы ему было дозволено издать в наступившем году четыре тома литературных, исторических и критических статей: пора было начинать активную борьбу с теми, «кому русская словесность была с головой выдана». Имелись в виду издатели Булгарин и Греч. Надоела их «собачья комедия» в литературе.

Итак, в наступившем году суждено было родиться пушкинскому «Современнику», идейным руководителем которого вскорости (но уже после смерти Пушкина) станет

Белинский. В «Современник» пошлѣт стихи и Лермонтов, но Пушкин не успеет их увидеть.

В гостиной сделалось шумно, весело, празднично. Начали пить всевозможные «здоровья». Украшением служили, конечно, женщины в шуршащих платьях, креповых на атласе или на перкале с цветочными гарнитурами. С высокими талиями и завязанными пышными узлами лентами. Волосы перетянуты пряжками.

Потом стояли у окон и глядели на фейерверки, которые жгли в разных концах Петербурга, — небесный театр. На костры, возле которых грелись кучера в ожидании господ. А по Неве катили весѣлые, поставленные на полозья кареты...

Глава 4. 1836 год. Тарханы

— МишЫнька приехал!

Бабушка не выпускала его голову из своих ладоней.

— МишЫнька! Свет очей моих!

Елизавета Алексеевна давно уже хворала. На голове под чепцом была тёплая стѣганая шапочка, а на плечах — из собачьей шерсти кацавейка.

Бабушка никак не могла наглядеться на внука. Она всегда не могла на него наглядеться, а теперь, после долгой петербургской разлуки, и подавно. И всё приговаривала:

— Свет очей моих, МишЫнька... — И не выпускала из рук.

Лермонтов только что из пошевен — широких саней, обшитых изнутри лубком и устланных перинами: сани уже тархановские и поджидали Лермонтова недалеко от Тархан. Дорога была вьюжной, с глубокими заносами и заледенелыми, станционными дворами, из которых выдуло,

казалось, всё тепло. Такой снежной и холодной зимы в этих краях давно не было. Лермонтов ехал и писал стихи в «Почтовом дорожнике»: стихами спасался от метели и мороза. Одно стихотворение написал на столе у станционного зрителя, пока ждал перемены лошадей. И так и оставил его, не обозначив авторства.

Это был первый офицерский отпуск Лермонтова «на шесть недель в губернии Тульскую и Пензенскую, по домашним обстоятельствам». Обстоятельства — это, прежде всего, бабушка. Путь из Петербурга в Тарханы проделал за десять дней. И вот он здесь перед самым новым, 1836 годом, в канун 31 декабря.

Наконец Елизавета Алексеевна, успокоившись, «выпускает внука из рук», и он оказывается у себя в комнате, наверху, куда вносят его вещи, и прежде всего дорожный кожаный сундучок с вицмундиром и бельём. Привез он из кондитерской Вольфа и Беранже у Синего моста для бабушки картон с конфетами и ликёры. Кондитерскую у Синего моста Лермонтов по традиции посещал с тех самых пор, как учился в юнкерской школе. Вот-вот подъедут гости из Чембар.

В доме зазвенело праздничное оживление, огни точно сами перебежали из комнаты в комнату, мелькали в залах. Отдавалось сразу по несколько распоряжений, и сразу по несколько человек кидались их выполнять. Оживление было не только по поводу новогоднего торжества. Главное — приезд барина, которому хотелось услужить и услужить из-за любви к нему. Он приехал в свою вотчину. И сам Мишель находился под этим впечатлением, как будто не было университетского Пансиона, юнкерской школы, а было не прерывающееся ничем и никем детство в кленовых парках, в яблоневых садах, в лугах, поросших летом плакун-травой, в пронзительных зорях и в тихих домашних закатах. И как будто бы стояли на замерзшем пруду форты и бастионы из снега, на которых он впервые ощутил себя героем Бородина, впервые сжал в руке саблю, пусть и детскую. Сейчас сабля лежала в кресле, офицерская.

А предновогодний тархановский дом всё звенел, наполнялся счастьем, нужными и ненужными свечами, распоряжениями, суетой.

ШКОЛА

И центром всего этого был приехавший на побывку гусар. И от его настроения, от его счастья зависело счастье наступающего 1836 года.

Только что в Москве вышла замуж Варенька Лопухина, и Лермонтов останавливался в Москве для разговора с ней, для встречи. Варенька — сестра друга Лермонтова Алексея Лопухина, с которым Мишель учился в Московском университете. Пережив бурное увлечение Наташей Ивановой, Лермонтов с «головой» влюбился в милую, «умную как день» Вареньку. Но судьба, обстоятельства развели их. И теперь произошла встреча с Варенькой уже Бахметьевой. И встреча эта не померкла на зимних стужных трактах, не утонула в глубоких снегах, не исчезла в привычном, казалось бы, для него одиночестве. Она была жгуче ощутима. Об этом он и сказал в своих безымянных стихах, оставленных на столе у станционного зрителя. Кто был виноват в том, что Мишель и Варенька потеряли друг друга? Может быть, повинен его отъезд в Петербург тогда из Москвы? Юнкерство и в чём-то легкомыслие? Чувства у обоих были необычайно чистыми и светлыми. Жизнь, очевидно, позабавилась их молодостью, их ошибками.

А жили Мишель и Варенька на Молчановке почти «окна в окна». Только бабушка очень боялась «нонышней модной неистойвой любви».

Лермонтов сидел в своей комнате, не двигался. Москва, Молчановка всё ещё не отпускали его. Нагромождение лиц, событий, характеров, отчуждения, смирения, потери... Сами собой возникшие преграды. И прилипающая к твоей жизни молва. Неизбежная и отвратительная.

Марионетки. Старые куклы из цветного воска. Старый театр, в который он играл в детстве, здесь, в Тарханах. Забавлялся. Куклы-марионетки — ими наполнен мир, наполнена жизнь. И жизнь

забавляется людьми, как марионетками. Чем ответить? Надо самому забавляться жизнью. Чего ж ещё! Желанья отняты. Прячь истинное лицо. Надевай другое, маскарадное. Да здравствует Маёшка! Он ему вполне по нраву в кавалерийской судьбе. Вицмундир, гусарская с петушиным султаном шляпа, шинель с бобровым воротником, который непременно серебрится. «Беспечный мир — течение века». Ничтожество есть благо. Хоть бы поскорее загорелась где-нибудь достойная война, чтобы не остаться вечно праздным. Надо будет сказать — пусть отыщут его старые марионетки. Пусть будет сыгран сегодня весёлый новогодний спектакль.

— Любезный друг! — зовёт снизу, из зала, бабушка. — Ты когда спустишься?

Бабушка из-за хвори не всходит на лестницу, тяжело. А заболела ещё в Москве, когда ехала сюда из Петербурга, чтобы проследить, как ведётся в Тарханах хозяйство, — внуку теперь в новом офицерском положении нужно будет издерживать много денег и на лошадей с кучерами, и на экипировку, и на квартиру приличную, и на посещение клубов и загородных гуляний, кондитерских и кофейных домов. Дело молодое, гусарское. И она рада, что он ездит в Петербурге по балам. И вот теперь он здесь, у неё, — офицер, гусар, как на портрете Будкина.

Год назад Лермонтов написал старшей сестре Вареньки Марии Лопухиной, что его будущность, блистательная на вид, в сущности, пошла и пуста. И что из него никогда ничего не выйдет со всеми его прекрасными мечтаниями и неудачными шагами на жизненном пути. Или не представляется случая, или недостаёт решимости, и, право, чтобы слышать звуки слов, следовало бы в письмах ставить ноты над словами...

Ноты над словами...

Он быстро сошёл вниз. Открыл фортепьяно, на котором играла когда-то его мать. Бабуш-

ка приветливо кивнула внуку — она следила, как готовился праздничный стол. Елизавета Алексеевна в хозяйстве всё всегда контролировала до мелочей. Лермонтов проиграл музыкальную фразу, одну, другую. Потом ещё и ещё. Он проигрывал письмо, новогоднее письмо, которое никогда не напишет. Он даже не знал, кому оно предназначалось. На что ему теперь менять свою любовь? На что? На кого? Пуста его будущность. И он сам повинен в том, что потерял Вареньку.

И дом звучал теперь и от звуков фортепьяно, за которым сидел молодой гвардейский офицер.

Из кухни несли закуски, изготовленные поваром Тихонымчем. Зелень из парников, завернутые в большие белые салфетки пироги и кулебяки.

А фортепьяно уводило Мишеля всё дальше и дальше от происходящего... «Ласкаемый цветущими мечтами, я тихо спал и вдруг я пробудился, но пробуждение тоже было сон...»

Сзади подошла бабушка. Она почувствовала — внук необычайно взволнован. Положила ему руки на плечи, что делала редко, чтобы не показаться слабой и чтобы не показать внуку — и это главное, — что он тоже вдруг в какой-то момент ослабел.

А за окнами, в метельном ветре, на старом вязе, раскачивались детские качели — это бабушка велела их не снимать, а когда подгнил канат, приказала его сменить и качели вновь повесить... Бабушка хотела видеть внука блистательным гвардейским офицером, но ещё больше — маленьким и только ей принадлежащим.

Глава 5. Певческий мост

Когда в Москве, на Кропоткинской улице, в музее Пушкина, в день смерти поэта, 10 февраля (29 января по старому

стилю), в 2 часа 45 минут пополудни объявляется минута молчания, а потом исполняется распев Рахманинова, концерт

Бортнянского, «Утро» Чайковского, исполняются и стихи Лермонтова на музыку Рубинштейна. Лермонтова поют Пушкину; стихи младшего поэта звучат в память о старшем. Хор поёт тихо, в тихом многолюдном зале — из далека в далёкое, из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее.

В этот же день, в этот же час и в эти же минуты в Петербурге, на Мойке, в квартире Пушкина, тоже после минуты молчания капелла имени Глинки исполняет Рахманинова, Чайковского, Бортнянского.

Редактор Андрей Александрович Краевский, напечатавший некролог в газете «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», получил строгий выговор от министра народного просвещения графа Уварова: «Что это за чёрная рамка вокруг известия о кончине человека, не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе?.. Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?!»

Он не государственный муж, граф Уваров, он Солнце!

Вы утверждаете, что «писать стишки не значит ещё великое поприще». Значит, граф Уваров, значит. И сейчас мы упоминаем вас, министра народного просвещения и даже президента Академии наук и, как вам казалось, государственного мужа, упоминаем только в силу того, что вы чиновно-небрежно назвали дорогое для нас имя. Только, Уваров! Хотя вы «арзамасец» и даже явились «бледный и сам не свой в Конюшенную церковь на отпевании Пушкина», но все пушкинские друзья вас уже сторонились.

Ваш современник лицеист Алексей Илличевский написал, что лучи славы Пушкина будут отсвечивать и в его товарищах. А правнучка поэта Наталья Сергеевна Шепелева добавила, что лучи славы Пушкина осветили не только друзей, но и недругов.

Пушкин умирал, «истаивал».

ШКОЛА

Летел снег мимо окон его квартиры, мимо его жены, мимо его детей, летел мимо времени. Полицейский врач написал донесение: «Г-н Пушкин при всех пособиях, оказываемых ему Его Превосходительством г-ном лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни».

Пушкину назначены холодные со льдом примочки, холодильное питьё. Холод сейчас облегчает поэту страдания. Одно из пособий, которое могли предложить врачи того времени раненному в живот Пушкину. Истаивают силы, истаивает сердце, меркнут желания. Затих, молчит камин. Затихла, молчит подо льдом Мойка. Холод на окнах, холод за окнами. Холод на Мойке.

Солнце нашей Поэзии закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтъ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!... Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы, да и не нужно; всякое Русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое Русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!... Не ужъли въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина?... Къ этой мысли нельзя привыкнуть!
29 января, 2 ч. 45 м. по полудни.

Неслышными шагами, легче света, легче времени вышла на Мойку печальная пушкинская муза: Пушкин простился с ней последней. Никто этого не знал, только он и она. Зима. Лёд. Холод. Снег. И одиноко удаляющаяся пушкинская муза. «Богиня тихих песнопений».

Хор поёт в Москве, на Кропоткинской улице, в доме № 12, хор поёт в Петербурге, на Мойке, в доме № 12. Поёт из этой зимы в ту зиму, из этого дня в тот день. Из Москвы в Петербург, из Петербурга в Москву. Из дома № 12 в дом № 12. Поёт тихо, возвышенно, памятно. Вечно.

...Певческий мост... Певческий мост...

Лермонтов на Мойке. Ещё не узнанный Россией. Но через два зимних дня он будет узнан. Огненная душа. Нежное сердце.

Сейчас он стоит на том месте на Мойке, где будет построен новый Певческий мост — большой, широкий. Чугунные решётки, на них — листья папоротника. Сквозь снег и зиму мост от одного поэта к другому. «Я был ещё болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина».

Пушкин для Лермонтова «дивный гений», «наша слава».

Александра Смирнова-Россет, которая «как дитя была добра», написала об отношении Лермонтова к Пушкину, что это единственный человек, которого он так сильно любил и смерть которого была большим горем для него.

К Пушкину не пускали: толпа в передней и в зале. У Пушкина не было сил. Он говорил, что ему было бы приятно видеть всех, но у него уже нет сил. Нет сил... Смерть стремительно приближалась...

Но если бы он знал, что пришёл и стоит возле его дома Михаил Юрьевич Лермонтов... Если бы об этом знали Жуковский, Вяземский, Данзас, Виельгорский, с которым познакомится потом и Лермонтов. Если бы знал друг Пушкина врач Владимир Даль или знала бы «княгиня-лебёдушка» Вера Фёдоровна Вяземская, — может быть, все последние силы Пушкина они отдали бы Лермонтову! Ему одному.

Пушкину дают холодительное питьё, капли опиума. Стоит у изголовья миска со льдом. Пушкин берёт слабеющими пальцами обломочки льда, трёт ими виски, роняет лёд, и он падает с тихим, безнадежным звоном обратно в миску. Лицо покрыл жар. Тоска и боль. Общая слабость брала верх. Пульс упал.

Остаются немногие часы жизни: огненная проникающая рана в живот. «Плохо, брат...» — это было сказано Далю.

«В первый раз сказал он мне «ты», — вспоминает Владимир Даль, — я отвечал ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира».

Владимир Даль принёс Пушкину врачебное успокоение, врачебную гуманность: дышу — надеюсь, хотя сам Даль ни на что не надеялся.

«Плохо, брат...» Вы слышали, Лермонтов, слова умирающего Пушкина? Вы должны были их услышать. Слова были сказаны, обращены не только к Владимиру Далю, но и к вам. И вы их услышали. Мы знаем это. Слова будут потом кричать в вашем сердце, переполняя его горечью и злостью. Они помогут вашим стихам, сразу написанным. Сразу! Вы слышали: «Плохо, брат...» — и вы сделали, что смогли.

Убит поэт! Убит! Убит!

Вы, лейб-гвардии корнет, в нетерпении «ломаю один за другим» карандаши, написали и главные шестнадцать строк — равные пуле. Чем вы могли помочь? Чем вы могли отомстить? Стихом! Таким яростным, что не выдерживали карандаши! Вы переломали их «с полдюжины». Вы готовы были к строчкам, равным выстрелу. Пуля за пулю!

Поэт нуждался в защите. И его защитил поэт. Защитил всей силой своего таланта, всей силой своей судьбы. Стихи Лермонтова на смерть Пушкина разнеслись по С.-Петербургу и двинулись по России. И теперь по России будут числиться оба — и Пушкин, и Лермонтов.

Стихи называли «прекрасными», «достойными», «энергическими», «дышащими силою», «дышащими божественным величием духа», а кто был испуган —

«чересчур вольнодумными», «раздражением нервов», «тёмными», «непозволительными». Жандармам они напомнили «декабристские воззвания к восстанию».

А бедная бабушка волновалась за МишЫньку пыталась стихи «исхитить... из обращения в публике». Из кондитерской Вольфа и Беранже, на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки, где их в читальном зале переписывали.

Неслышным шагом, легче снега, легче времени войдёт сюда пушкинская муза, возьмёт листок со стихами и так же, легче снега, легче времени, уйдёт. Её никто больше никогда не увидит: она ждала этот лермонтовский листок, чтобы отнести его Пушкину уже не в здешний мир.

Певческий мост... Певческий мост... Он — начало поэтической судьбы младшего поэта. Он и его первая царская опала, и высылка из столицы.

В Петербурге быстро, по-зимнему, стемнело. Лейб-гвардии корнет стоял на Мойке. Смотрел на пушкинскую квартиру. Стояло множество людей. Молчали. Было холодно, в особенности к вечеру. Сани, кареты, возки, кибитки. Дыхание лошадей дымилось белыми факелами. Верхами — жандармы: они здесь, конечно, по приказу Бенкендорфа, неизменного «политического наблюдателя и за поведением поэта». И подумать только, через год в стенах бывшей квартиры Пушкина будет праздноваться свадьба дочери Бенкендорфа! А сам Бенкендорф станет неизменным политическим наблюдателем и за поведением Лермонтова, этого гусарского офицера с «вольнодумством более чем преступным».

Вновь и вновь приезжала и отъезжала карета лейб-медика Николая Фёдоровича Арендта. И даже Арендт, «который видел много смертей на веку своём и на полях сражений, и на болезненных одрах, — как писал Вяземский, — отходил со слезами на глазах от постели Пушкина и говорил, что он никогда не видел ничего подобного, такого терпения при таких страданиях».

Два скорбных дня.

ШКОЛА

В морозных окнах пушкинской квартиры блестели морозные звёзды свечей, но всё чаще их перекрывала возрастающая в квартире густота людских взволнованных теней.

Корнет Лермонтов видел сквозь январскую ночь одинокий, затухающий в январском снегу огонёк — пушкинскую звезду. Из далека в далёкое, из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее.

Вот она, самая большая звезда, «Драгоценность России».

Глава 6. Страстная площадь

Дети Пушкина собрались все вместе — кто приехал из российских губерний, кто из Европы: младшая дочь Наталья была замужем в Германии. Собрались 6 июня 1880 года (по старому стилю), когда на Страстной площади, у начала Тверского бульвара, открылся сооружённый «народным иждивением» памятник Пушкину и был передан на хранение городу Москве.

Площадь, бульвар, крыши домов, балконы, окна — всюду люди. Взволнованность необычайная. Вдохновенная. Долгожданная.

Первым к памятнику подошёл старший сын поэта Александр Александрович Пушкин, гусар, награждённый за личную храбрость золотой георгиевской саблей. Возложил цветы с белыми лентами.

Громко, празднично всколыхнулись оркестры. Всколыхнулась Страстная площадь. Прокатился ветер волнения.

В те дни сыновья и дочери Пушкина были самыми почётными гостями Москвы. При их появлении в торжественных залах университета, Городской думы, Благородного собрания, в театрах люди вставали как один человек. На детей была перенесена любовь к поэту и память о нём.

Умер Александр Александрович в день вступления России в войну с Германией, это сообщение потрясло его (как вспоминала его внучка, Наталья Сергеевна Шепелева, правнучка поэта), он, старый боевой генерал, ясно представил себе объём народного горя. Был Александр Александрович похоронен не там, где просил: помешала начавшаяся война. Только спустя полвека, в 1963 году, прах его был перенесён в Лопасню, где доблестный гусар завещал себя похоронить. Прозвучал оружейный салют в честь бойца за освобождение болгар от турецкого насилия, награждённого за личную храбрость золотой георгиевской саблей и многими русскими и иностранными орденами.

Любимец Пушкина и Натальи Николаевны — Сашка! — мы соблюдали его последнюю волю. И было это в июне, пушкинском июне...

Правнучка поэта Наталья Сергеевна Шепелева в своих записках писала: «Благодаря величю Пушкина стала известна жизнь и деятельность окружающих его современников, их человеческие достоинства. Сбылись слова его лицейского товарища А. Иличевского, сказавшего: «Лучи славы его будут освечиваться и в его товарищах». Лучи эти осветили не только его товарищей, но они выявили и многих других, и друзей, и недругов. Но так получилось, что сплетни и зависть, перешедшие в клевету, скрыли настоящее лицо самого близкого и любимого поэтом человека — его жены, Натальи Николаевны.

Клевета следовала за её тенью долгие годы, и терялись редкие дружелюбные голоса. Как только не оскорбляли её память. Но правда всё же взяла верх! Этим мы обязаны двум неутомимым людям, которые, невзирая на сложности, много потрудились, прежде чем обнаружили в архивах Гончаровых письма, которые легли в основу их книг.

Эти два человека — И.М. Ободовская и М.А. Дементьев... Они своим упорным трудом вызвали к жизни забытые голоса... Наталья Николаевна предстала перед нашим поколением такую, какой была в действительности и какую всегда знала её семья Пушкиных...»

Что мучило Наталью Николаевну? О чем она думала в бессонные петербургские ночи? Опускалась на колени перед умирающим мужем, приникала лицом к его лицу, чтобы лучше слышать с каждой минутой теряющего дыхание и уходящего от неё в невозвратную даль.

Пушкину нравилось целовать её в глаза. Когда поцеловал в последний раз? И так нежно? В день дуэли, когда она уехала на Каменный остров кататься на санях?.. Она же не знала, что дуэль всё-таки произойдёт.

Непоправимость. Невосполнимость.

Пистолетный выстрел — миг, пистолетный выстрел — это вечность. И тогда стоишь, ищешь себя в оправданиях.

Бессонные, неподвижные ночи. Раскалённая солнцем царскосельская Белая дача... Первое лето их счастья. Зелень дубов — прямо в окна, и солнце — прямо в окна, и ветер — прямо в окна. И стихи — в шелестящих тетрадах.

Пушкина нет. Наталья Николаевна продолжает нести судьбу Пушкина и будет нести её признательно и неотступно. И до конца своих дней не перестанет «строго допытывать свою совесть», за что её «муж заплатил своей кровью», а она «счастьем и покоем своей жизни».

В траурные пушкинские дни никого не принимала и никуда не выезжала — молилась в своей комнате, безвинно сотворившая вину.

В деревянной шкатулке, скреплённой тульской сталью, Наталья Николаевна бережёт письма. Обращённые к ней, к детям. Здесь же печатка с инициалами НР — Наталья Пушкина. Печатка сохранилась до наших дней. Можно увидеть в квартире на Мойке. Там же можно увидеть на туалетном столике рядом с флаконом зелёного стекла порт-букет — маленькую металлическую вазочку, в которую вставлялась пробирка с водой. С помощью порт-букета прикрепляли к бальным платьям живые цветы.

Пушкин, умирая, сказал ей, чтобы она нашла достойного человека и вышла за него замуж. Он понимал, что она — совсем ещё молодая, 24-летняя женщина — останется одна с четырьмя маленькими детьми, без денег и при огромных долгах. Пушкина кормили не отцовские вотчины, а «торговля стишастая», с «тридцати шести букв Российской азбуки», когда была удачной.

Когда она была неудачной, требовалось всё напряжение ума, чтобы извернуться. Не удалось извернуться — ростовщику Шишкину закладывались столовое серебро, шали, часы, самовар, лоханка с рукомойника и посуда. Но всегда, при любых обстоятельствах Наталья Николаевна хотела сохранить жемчужное ожерелье, в котором стояла под венцом.

Дети Пушкина...

Пушкин говорил: «Я должен блюсти мою честь и то имя, которое оставляю моим детям. Мария, Александр, Григорий и Наталья. Пушкин называл их весело: Машка, Сашка, Гришка... «Машке скажи, чтобы не капризничала... А каков Сашка рыжий? Да в кого-то он рыж? Не ожидал я этого от него».

Гришка получил своё имя в память о непокорном предке, казнённом в Смутное время. И только Наташу не называл Наташкой, а Натальей, хотя она была ещё совсем маленькой. Когда умер, ей исполнилось всего восемь месяцев.

ШКОЛА

Пушкин хотел жить и жил, окружённый детьми. Он ими гордился, показывал друзьям:

— Литография с моей особы.

Мог разбудить ночью и выносить по одному сонных и показывать. Карлу Великому, например, Карлу Брюллову.

Наталья Николаевна стремилась дать их детям образование. Сашу определила во 2-ю Петербургскую гимназию. Через год в ту же гимназию поступил и Гриша. После гимназии сыновья окончили Пажеский корпус и вышли офицерами в гвардию. Дочерям она сама привила вкус к русской литературе, музыке, старине.

В здании 2-й Петербургской гимназии (теперь средняя школа № 232 с углублённым изучением английского языка) хранится фотокопия письма Натальи Николаевны директору гимназии Александру Филипповичу Постельсу. С этим письмом пришёл в гимназию Саша Пушкин.

«Направляю Вам моего сына, которого поручаю Вашему строгому попечению, господин Постельс... Ваши советы, я надеюсь, укрепят его в тех принципах, которые я стремлюсь внушить ему с его юных лет! Если... он вызовет у Вас неудовольствие, прошу оказать любезность, предупредить меня об этом и он никогда не встретит во мне ни слабости матери, ни снисхождения...» Кажется, что текст этого письма сделал бы честь любой современной матери.

Сын Гриша — мягкий, спокойный. Характером напоминал мать. Григорий Александрович сберёг Михайловское, в котором прожил более тридцати лет, и уступил потом его государству как национальное достояние. Прощаясь с Михайловским, поклонился до земли. Больше сюда Григорий Александрович Пушкин не вернулся.

От второго брака у Натальи Николаевны родилось трое детей, три дочери — Александра, Софья и Елизавета. Часто в ее доме гостил сын Нащокина Александр, названный в честь Пушкина. Гостили и дети сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлицевой.

— Это моё призвание, — говорила Наталья Николаевна о своей многодетной семье, — и чем больше я окружена детьми, тем больше я довольна.

И она была довольна и счастлива, когда её окружали детский «шум и гам» и «бесконечные взрывы смеха, от которых дрожат стены». Но «тихая, затаённая грусть всегда витала над ней».

В 1861 году Наталья Николаевна много болела. Врачи признали необходимость длительного лечения в условиях более мягкого климата. Сменив несколько европейских курортов, она категорически настаивала на возвращении домой.

Врачи запретили Наталье Николаевне возвращаться в Россию: нельзя менять климат. Всё равно вернулась и начала уже безвыездное пребывание в Петербурге.

Из Москвы пришло сообщение, что у Александра — Сашки, у которого до сих пор были дочери, родился сын, долгожданный внук, тоже Александр. Не это ли жизнь! Её жизнь. Старшего сына Пушкин выделял: «Сашка... любимец мой».

Выделял, может быть, как старшего, первого сына. Выделяла его и Наталья Николаевна, тоже, вероятно, как старшего, но и как любимого Пушкиным. Сашка был весел, боек и некрасив. Некрасив дорогою для нас красотою Пушкина.

Это он уберёт от гибели пушкинскую библиотеку. Книги, на полях которых пометки поэта, книги, ради которых семья влезла в долг почти на четыре тысячи рублей. И это он, сын Пушкина, передал государству библиотеку поэта, книги, про которые

поэт говорил «мои инструменты», а про себя, что «похож на стекольщика, разоряющегося на покупку необходимых ему алмазов», и что его библиотека «растёт и теснится».

На полях многих книг стоят сделанные рукой Пушкина пометки. Время значительно пригасило их, но они всё ещё видны, живы — книги держат их на себе: они помнят поэта и слова прощания. Книги сейчас находятся в Пушкинском доме.

Ему, старшему сыну, Наталья Николаевна доверяла самые печальные воспоминания... была предельно откровенна...

Александр хотел, чтобы его сына крестила Наталья Николаевна. И она, не задумываясь, начала собираться в Москву, скорее, скорее, пока есть силы...

Её предупреждали: «Осень, холодно. В дороге можно простыть. Надо обождать с подобными путешествиями». Но она никого и ничего не слушала. Поехала в Москву. Простыла и заболела. Это была осень 1863 года.

Неподвижно прислонена к подушкам. Но бесконечно счастливая — успела, увидела, держала на руках маленького Сашку. Благословила и напутствовала в пушкинскую жизнь, в будущее.

И внук достойно прожил пушкинскую жизнь! Он не любил «визиты к царю и всегда с большой неохотой доставал свои придворные мундиры». Любил жизнь истинно простую, уединённую, сельскую. Строил школы для крестьянских детей; построил больницу для рабочих Гжельской фарфоровой фабрики недалеко от Бронниц, где жил. Часто ходил на бронницкое кладбище, навещал могилу Ивана Пущина, верного лицейского друга Пушкина. Он всё знал о своём великом деде.

И, как пишет в книге «Потомки А.С. Пушкина» псковский краевед

и журналист Виктор Михайлович Русаков, «...будучи человеком большой, чистой души, А.А. Пушкин все свои силы отдавал людям, хотел, чтобы им жилось лучше. Он оставался всегда жизнерадостным, милым, обаятельным человеком. Особенно когда его окружали дети».

Наталья Николаевна скончалась той же осенью 1863 года. Когда умирала, ей показалось, что кто-то наклонился над ней и нежно поцеловал в глаза... И, теряя дыхание, услышала далёкие колокола. Пушкин сделал ей предложение на Пасху — и звонили сейчас, кружились над её головой колокола. А она, сколько могла, поднимала им навстречу руки, тянулась к ним... к нему... Она теперь знала, как надо было жить с ним, но всё... Теснит дыхание... Жизнь кончена.

В Петербурге к вечеру выпал снег. Резко похолодало. Наталья Николаевна лежала на большой белой, с широкой оборкой подушке. По краям две большие свечи. И теперь уже в полной тишине, в беззвучности ушла она к берегам реки своего детства — Кариан. Реки зеленовато-карей, светлой, прозрачной.

Лавра. Александра... В её стенах покоится Наталья Николаевна. Могила недалеко от маленькой часовни, купол виден из-за стены. В летнюю ночь здесь головокружительно пахнет сиренью.

Александр Сергеевич Пушкин. Москвою рождён был и Москвою обвенчан с первой красавицей России. И стоит он в Москве, распахнув бронзу плаща, левая нога сдвинута с пьедестала; одна рука заложена за спину, в ней шляпа.

Все собирали деньги на памятник поэту. Вся Россия. И все ждали и нам завещали ждать. Поэт, ты видишь нас, ждущих?

**Вдруг всё стеснилось, и с волнением,
Одним стремительным движеньем
Толпа рванулася вперед...
И мне сказали: «ОН идёт!
ОН, наш поэт, ОН, наша слава,
Любимец общий!»**

Евдокия Ростопчина

Глава 7. Дух храбрейшего дышит, где хочет

16 августа 1889 года. Летняя погода. Отчётлив рисунок гор. Отчётлив рисунок неба. Транспаранты, флаги, гирлянды. Бумажные и цветные фонарики. Такие же когда-то для молодёжного бала-пикника клеил с друзьями здесь, в Пятигорске, Лермонтов. На этот бал он пригласил Иду Мусину-Пушкину. Но сам приехать не смог: был убит.

Сквер и прилегающие к скверу улицы полны народа. Многие в национальной кавказской одежде. Возволнованность необычайная. Вдохновенная. Долгожданная. Восемнадцать лет ждали этого. Памятник Лермонтову сооружён «народным иждивением» и сейчас передаётся на хранение городу Пятигорску. Самый значительный денежный взнос сделал тайный враг Лермонтова князь Александр Васильчиков — 1000 рублей. Замаливал участие в бесславной дуэли?

Памятник отливали в Петербурге на заводе Морана. Бронзовая фигура Лермонтова укреплена на вырубленном из гранитной скалы пьедестале. Поэт сидит, сюртук растёгнут, у ног, расшевеленная ветром, лежит книга. Взгляд поэта устремлён в сторону гор и разнovidных облаков.

Единым движением вскинул трубы военный оркестр, зазвучал марш Тенгинского пехотного полка. Началом к маршу послужил удар колокола на городском соборе. Представители Тенгинского пехотного полка несут к памятнику и медленно возлагают серебряный венок. Родной полк отдаёт должное храбрости и таланту поэта. Душа его вмещала огромный мир чувств и стихов. И стихи для него — тот же бой. Пуля за пулю!

Данзас, секундонт Пушкина, который оказался на Кавказе тоже в значительной степени потому, что отстаивал честь Пушкина, хотел, чтобы Лермонтов служил в его батальоне командиром взвода мушкетёрской роты. Но Лермонтов добился назначения в оперативный Чеченский отряд генерала Галафеева.

Университетскому товарищу Алексею Лопухину писал: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых был я был свидетелем».

Лермонтов первым реалистически точно написал человека на войне: «Стоял кружок. Один солдат был на коленях; мрачно, грубо казалось выражение лиц, но слёзы капали с ресниц, покрытых пылью... На шинели, спиною к дереву, лежал их капитан. Он умирал...»

Тенгинский полк действовал на самых опасных участках. Кавказские пули, кавказские шашки.

11 июня 1840 года. Сражение при Валерике. Валерик — название реки. Там разыгралось многотысячное кровавое сражение. За это сражение Михаил Лермонтов вначале был представлен к ордену Владимира IV степени с бантом. «Испрашивается о награде: прикомандированному к кавалерии действующего отряда Тенгинского пехотного полка поручику Лермонтову». Командир корпуса снизил представление до ордена Станислава III степени.

Ранен Руфин Дорохов, командир сотни отборных бойцов-добровольцев. «Сотня», или «команда охотников», занималась разведкой, тайными вылазками, ночными рейдами. Её отличали отвага, удаливость, преданность командиру, презрение к огнестрельному оружию». Командир Руфин Иванович Дорохов — сын героя Отечественной войны, знаменитого партизана генерал-лейтенанта Ивана Семёновича Дорохова.

Руфин из «породы удалцов», воспетых Денисом Давыдовым. Неоднократно «за участие в дуэлях и буйное поведение» разжаловали его в солдаты, но каждый раз «исключительными подвигами» он добивался возвращения чина. Писал стихи и пьесы. Был знаком с Пушкиным.

Лермонтова назначили на место раненого Руфина Дорохова. «Отказавшись от всяких удобств, он вёл тот же образ жизни, что и солдаты, — спал на голой земле, ел из общего котла, небрежно относился к соблюдению формы и своему внешнему виду».

И бесстрашная «Сотня» поверила ему, и приняла нового командира, и называлась теперь «Лермонтовская». Она «...как блуждающая комета, бродила всюду, появлялась там, где ей вздумается, в бою она искала самых опасных мест...».

Полковник князь В.С. Голицын, командующий кавалерией, считал Лермонтова достойным Дорохова, достойным командиром «Сотни». «Всегда первый на коне и последний на отдыхе». «Действует с отличною храбростью и знанием военного дела», — говорили о нём друзья. Полковник Голицын представил Лермонтова к золотой сабле с надписью: «За храбрость», а это значило бы возвращение в гвардию.

В Петербурге, в Музее артиллерии и инженерных войск (Кронверкский арсенал Петропавловской крепости) выставлено золотое оружие — сабли, на которых написано «За храбрость». Выставлены и давно смолкшие георгиевские трубы, тоже «За храбрость». Ленты на трубах, как пчёлы — оранжево-чёрные, и уже потускневшие серебряные кисти.

Хочется сказать словами древнего текста: смягутся трусливые, а дух храбрейших дышит, где хочет. Почтим честью Россию!

Лермонтов не получил ни ордена Станислава III степени, ни золотой сабли — Министерство Военное, Департамент

Инспекторский, отделение 3-е, стол I: «Государь император по рассмотрении доставленного о сём офицере списка, не изволил изъявлять монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду».

Император отказал поэту в личной храбрости, распорядился: «дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку».

А поэт во всём был бесстрашен — и в бою, и в стихах. Стихи для него — тот же бой...

Возможно, присутствовала на открытии памятника и Юлия Владимировна Лермонтова, родственница поэта. По профессии она была химиком, специализировалась по переработке нефти. Преподавала в Московском университете. Юлия Владимировна — первая русская женщина-нефтяник, защитившая докторскую диссертацию в Геттингенском университете «с великой похвалой». Была дружна с Софьей Ковалевской. Дожила до Великого Октября, несколько раз встречалась с наркомом Луначарским.

Может быть, на открытии памятника были дети молочной сестры Лермонтова Татьяны. Или она сама. С детства Михаил Юрьевич называл свою кормилицу Лукерью Алексеевну Шубенину «мамушкой». У Лукерьи Алексеевны было пятеро детей. Из них Татьяна — молочная сестра Лермонтова. В каждый приезд в Тарханы поэт навещал «мамушку» и свою молочную сестру. Никогда не забывал их.

В Петербурге на выставке конкурсных скульптур будущего памятника Михаилу Юрьевичу Лермонтову лучшим был признан проект № 14. Вскрыли конверт с девизом. Под девизом и номером № 14 скрывался академик Александр Михайлович Опекушин. Автор памятника Пушкину на Страстной площади.

Одному и тому же скульптору суждено было отлить в бронзе старшего поэта и младшего.

Об Опекушине сказано: «Народ нашёл своего ваятеля...»

ШКОЛА

Александр Михайлович Опекушин сам выходец из народа — родился в семье крепостного крестьянина в деревне Свечкино на берегу Волги. Отец его был лепщиком, и Саша рано научился владеть глиной. В двенадцать лет попал в Петербург. И сразу был принят в артель столичных лепщиков — делал для петербургских домов и храмов цветы и орнаменты. Потом судьба привела его в скульптурную мастерскую академика Иенсена, профессора Петербургской Академии художеств, который определил своего способного ученика вольно-приходящим слушателем академии. Он же добился потом для Опекушина и вольной — освободил его от крепостной зависимости.

Памятник Лермонтову...

Побудьте рядом с поэтом, послушайте, постоите, не торопитесь, и вы услышите, как шевелятся под ветром страницы книги. Услышите горы, полёт птиц и движение облаков. Лермонтов сидит и тоже слушает горы, птиц, облака. Это его покой, его уединение. Естественный строй души, чудная молитва, когда верилось и плакалось. Вы услышите далёкую, сохранённую ветром мелодию марша Тенгинского пехотного полка, марша Лермонтова, ноты которого, к сожалению, до нас не дошли и знает их только ветер.

Стоит, замер Тенгинский пехотный полк, и, кажется, стоит, замерла лермонтовская бесстрашная сотня. Дух храбрейшего дышит, где хочет.

**...мальчик мой, великий человек?
Что сделал ты, чтобы воскреснуть
болью...**

Белла Ахмадулина
«Тоска по Лермонтову»

«Вот Лермонтов — благополучный юноша, богатый очень... Ну какие у него, казалось бы, страдания? А ведь всё творчество его, вся жизнь проникнуты

и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с вареньем и наливками. Таким образом набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен».

М.Ю. Лермонтов и Наталья Николаевна... пятиюродные брат и сестра! Таким образом Евдокия Фёдоровна Пушкина, «столь предусмотрительно» вышедшая замуж именно за капитана Ивана Герасимовича Боборыкина, подарила всем родство не только Лермонтова с Пушкиным, но и Лермонтова с Натальей Николаевной.

Планеты Солнечной системы

Музей-заповедник Лермонтова в Пятигорске получил из Международного планетного центра почётное свидетельство о том, что малая планета Солнечной системы под номером 222 названа именем Лермонтова.

Сообщение опубликовала газета «Известия» 22 января 1982 года.

В феврале того же года газета «Правда» опубликовала сообщение, что в день 145-й годовщины со дня смерти Пушкина Государственному музею великого поэта в Москве было передано почётное свидетельство, утверждённое Международным планетным центром, о присвоении названия «Пушкин» одной из малых планет Солнечной системы.

Так решили астрономы, хозяева «лампад небесных».

«Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу...»

«Маленький принц».
Антуан де Сент-Экзюпери

Вместо эпилога

Мальчишник — это не только предсвадебная встреча друзей, «холостая шайка», это постоянство мужской дружбы, союза, возникшего большей частью с молодости и скреплённого совместным возмужанием. Это сближенный удел, безотчётная симпатия. Это когда «Хра-

ШКОЛА

ните, о друзья, храните ту ж дружбу, с тою же душой...»

Пушкин оберегал дружество, глубоко переживал потери. Как ему необходимы были друзья! Не обязательны частые встречи с ними, важна была непрерывность сознания, что друзья есть, что они живы и что тебя связывают с ними нити, по которым идёт непрекращающийся магнетизм от тебя к ним и от них к тебе. Согрев души. Цепь жизни. Единая. Кюхельбекер в ссылке, в Сибири, до самой смерти жил по «старым заветам прежнего Лицея». Пушкин был вдохновителем сходок друзей-выпускников лицейского союза, лицейской республики. Он считал, что и последний лицеист, кто переживёт всех, всё равно должен праздновать лицейскую дату. Один. Последний. Возможно ли это? Всё от всех передано, завещано одному. Вся семья друзей из далека в далёкое, из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее. И в будущее. Последним «пушкинским лицеистом» оказался князь Горчаков.

Погибший Лермонтов — он лежал под проливным дождём на руках друзей? К сожалению, всё-таки нет.

В юности у Лермонтова не было Дельвига, Пущина, пылкого и отчаянного Ивана Малиновского; лицейского старосты Яковлева не было, который до конца жизни хранил архив друзей: стихи, письма, протоколы лицейских годовщин — и потом, уже умирая, передал архив Фёдору Матюшкину. Данзаса на дуэли не было. Был Алексей Столыпин, но Данзас ли это, который всю жизнь мучился гибелью друга? Были Аким Шан-Гирей, Алексей Лопухин — брат Вареньки, Святослав Раевский, играющий «не малую роль в судьбе поэта», крестник Елизаветы Алексеевны Арсеньевой (распространял в списках стихи «Смерть поэта»), были Лёвушка Пушкин, Михаил Глебов, Руфин

Дорохов, но всё это разрозненные единицы: братства не было. Лермонтов, прошедший войну, командир отчаянной Сотни, человек с самыми высокими понятиями чести, долга, товарищества, остался, по существу, одиноким странствующим офицером. И в жизни, и в произведениях. Соедини судьба Пушкина с Лермонтовым, старшего и младшего, всё у младшего, может быть, сложилось бы по-другому...

Во многих Пушкин поселил неизгладимое чувство потребности дружбы. Необходимость видеть, чувствовать «семью друзей». Поселил желание неизменно любить «праздник молодой». Не сразу поселил — год от года чувство возрастало, крепло, делалось цепью жизни. Единой. И, может быть, очень многим Пушкин дорог тем, что «любил своих друзей за дружбу», как отметит Соболевский.

И мы не мыслим своей жизни без друзей юности. Ведь, если есть друзья — и ты есть, живут они — и ты живёшь, и твоё время живёт!

Егор Антонович Энгельгардт, выпуская в жизнь лицеистов, напутствовал их словами: **«Храните правду, жертвуйте всем за неё; не смерть страшна, а страшно бесчестие; не богатство, не чины, не ленты честят человека, а доброе имя. Храните его, храните чистую совесть, вот честь ваша».**

Сны весёлых лет, и в одежду жизни одевают всё, чего уж нет... И нет... И не может быть... И не прилетят сани с колокольчиком, не привезут друзей — время иссякло!..

«А ведь будут такие звёзды, где мы живём», — сказал Маленький Принц...

